

Зориктуев Б. Р. К вопросу о проживании бурят в Северной Маньчжурии в XVII — первой трети XVIII веков / Б. Р. Зориктуев // Научный диалог. — 2019. — № 11. — С. 323—337. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-11-323-337.

Zoriktuiev, B. R. (2019). To the Question of the Buryat Residency in Northern Manchuria in the XVII — the First Third of the XVIII Centuries. *Nauchnyi dialog*, 11: 323-337. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-11-323-337. (In Russ.).

УДК 94(=512.3)“16/17”+94(518)

DOI: 10.24224/2227-1295-2019-11-323-337

К ВОПРОСУ О ПРОЖИВАНИИ БУРЯТ В СЕВЕРНОЙ МАНЬЧЖУРИИ В XVII — ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVIII ВЕКОВ¹

© Зориктуев Булат Раднаевич (2019), orcid.org/0000-0001-5760-0064, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (Улан-Удэ, Россия), enhe_z@mail.ru.

Исследование вносит вклад в продолжающееся научное обсуждение вопроса о проживании бурят в Северной Маньчжурии в XVII — первой трети XVIII веков. Новизна исследования в том, что на основе анализа названий *бурят*, *баргу-бурат* и некоторых других этнических терминов представлена уточненная история монгольязычных этносов северо-востока Китая в указанное время. Установлено, что архетипом этнонима *бурят* является слово *бураа* 'лес'. Оно было названием племенного объединения, разместившегося западнее Байкала в середине XVI—XVII веков, на базе которого, с охватом Забайкалья, к концу XVIII века образовалась бурятская народность. Доказано, что живущими южнее степняками-монголами этому объединению бурат было дано прозвище *баргу-бурат*. Особо подчеркнуто, что в начале XX века в историко-краеведческой литературе о населении правобережья Аргуни прозвание *баргу-бурат* было перенесено на две обитавшие в регионе этнические общности старых баргутов и новых баргутов, которые в мезозотогенезе бурят не участвовали, а потому *бурятами* себя никогда не именовали. Выяснено, что исследователей ввело в заблуждение имеющееся в названиях слово *баргу(т)*. Создалось искаженное, оказывающее определенное влияние на современных авторов, мнение, что буряты в период маньчжурских правителей от Нурхади до Юнчжэна были жителями Северо-Восточного Китая.

Ключевые слова: этноним *бурят*; прозвище *баргу-бурат*; этнические общности; старые баргуты; новые баргуты; Северная Маньчжурия.

1. Введение

В 1987 году во Владивостоке была издана первая книга коллективной монографии «История Северо-Восточного Китая XVII—XX вв.». Ее название — «Маньчжурия в эпоху феодализма (XVII — начало XX в.)». В ней рассматриваются формирование маньчжурской народности и становление государства Маньчжоу в конце XVI — начале XVII веков, положение Маньчжурии в составе Цинской империи, русско-китайские отношения на Дальнем Востоке, борьба империалистических держав за сферы влияния в этом регионе и другие вопросы. В четвертой главе авторы, характеризуя этнический состав населения Северной Маньчжурии в XVII — первой

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания (проект XII.191.1.2. Межкультурное взаимодействие, этнические и социально-политические процессы в Центральной Азии, № АААА-А17-117021310264-4).

трети XVIII веков, пишут, что он подразделялся на три группы: маньчжуров, монголов и китайцев (ханьцев). О второй группе без ссылок на источники приведены такие данные: *Буряты, чипчины и олоты — народы монголоязычного происхождения <...> Буряты-баргуты кочевали в районе оз. Далай-нор и по р. Керулену. В XVII в. они приняли маньчжурское подданство и поселились в Цицикарском фудутунстве, откуда в 1832 г. (мы полагаем, что здесь опечатка, должно быть в 1732 году. — Б. З.) половина их была переселена в Хулунбуирское фудутунство, приписана к знаменам и стала называться чипчинами <...> Буряты, жившие в Халхе, в маньчжурское подданство перешли только в 1735 г. Они также были вписаны в знамена под названием новобурят (баргут). Буряты, жившие <...> севернее Цицикара, занимались земледелием. По верованиям чипчины были шаманистами, а буряты — ламаитами* [История Северо-Восточного Китая, 1987, с. 190].

В приведенном тексте *бурятами* названы две этнические группы. Наименование одной — *чипчин*, другой — *новобуряты (баргуты)*. Под данными именами, если оперировать общепринятыми в настоящее время названиями, имеются в виду живущие сейчас на северо-востоке Китая, в городском округе Хулун-Буир (адм. центр — г. Хайлар), этнические общности старых и новых баргутов. Оба этноса в 2015—2017 годах были изучены научной группой Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (ИМБТ СО РАН) под руководством автора настоящей статьи в рамках исследовательского проекта «Монголоязычные этносы северо-востока Китая: история, культура, язык». Полученные результаты существенно отличаются от тех, которые изложены в названной выше монографии.

Цель данной статьи — на основании анализа названий *бурят, бурят-баргут, баргут, чипчин, новобурят*, упомянутых в цитирувавшемся фрагменте работы дальневосточных авторов, представить уточненную историю монголоязычных этносов Северо-Востока Китая в XVII — первой трети XVIII веков.

Для достижения поставленной цели последовательно решены следующие задачи: раскрыт процесс образования бурятской народности и ее самоназвания; установлены причины и время появления на правобережье Аргуни двух этносов — старые баргуты и новые баргуты; выяснены история появления названия *бурят-баргут* и подоплека его отнесения к Северной Маньчжурии.

2. Образование бурятской народности и появление этнонима

В формировании бурятской народности выделяются два этапа, которые хорошо прослеживаются по письменным источникам. Первый этап проходил на территории Предбайкалья¹. Там в середине XVI — конце XVII веков существовало племенное объединение, называвшееся *бураад* (в русском написании — *бурат*) и состоявшее из близких по языку, культуре и образу жизни племен булагат, эхирит и хонгодор. Именование *бурат* со значением ‘лесные’ (от монг. *бураа* — ‘лес’) [Голстунский, 1894, с. 262] было получено от соседей-степняков с юга.

1 В статье упоминаются термины Предбайкалье (территория западнее оз. Байкал) и Забайкалье (территория восточнее Байкала).

Этноним *бурат* зафиксирован в большом количестве письменных источников, самый ранний из которых датируется XVI веком. В исследовании нами были использованы узбекский памятник «Маджму ат-таварих», сочинения Н. Витсена, Баатара Увш Тумэна, Э. И. Идеса, записи участника Первой Академической экспедиции по Сибири Я. И. Линденау и другие источники [Султанов, 1977, с. 165—176; Witsen, 1785, p. 103, 606, 658, 682; Баатар, 2006, t. 34, 65; Ides, 1706, p. 32—33; РГАДА, ф. 199, ед.хр. 511, ч. 1, д. 6, л. 1—2 об., 15 об., 19—20 об.; ф. 199, ед.хр. 511, ч. 1, д. 7, л. 17 об., 21—24; ф. 199, ед.хр. 511, ч. 1, д. 8, л. 10].

Рубеж XVII—XVIII веков является началом второго этапа, в рамках которого сложилась бурятская народность. К 30-м годам XVIII века западнее Байкала устойчиво бытовало новое имя *бурайд* [buræ:d] (в русском написании — *бурэт*). Об этом свидетельствуют труды участников Академических экспедиций, которые на стыке 30—40-х и 60—70-х годов XVIII века работали около Байкала. Ее члены И. Г. Гмелин, И. Э. Фишер, И. Г. Георги и П. С. Паллас в своих работах отметили, что самоназвание *братских* — *Burätten* [Gmelin, 1751, s. 396, 407, 424; Fischer, 1768, s. 14, 33; Georgi, 1775, s. 58, 296—298, 503—505; Pallas, 1776, s. 95, 177, 244].

В дальнейшем в Предбайкалье форма *бурэт* изменению не подверглась, что говорит о завершении консолидационных процессов в регионе. В начале XVIII века эти процессы распространились в Забайкалье, чему максимально содействовало установление в 1727 году русско-китайской границы. Там они перешли на качественно новый уровень развития, трансформировав племенное объединение бурэт в народность, занимавшую территорию уже на обоих берегах Байкала.

В Забайкалье в объединительные тенденции были втянуты племя хори и монгольские роды на Селенге. Хоринцы, которые до середины XVIII века в качестве самоназвания пользовались исключительно своим племенным именем *хори*, стали называть себя *бурэтами*. Имя *бурэт* переняли также монголы. В итоге в 30-х — 70-х годах XVIII века население по обе стороны Байкала называлось общим именем *бурэт* [Георги, 1799, с. 24].

У селенгинских монголов название *бурэт* просуществовало недолго. К пятидесятым годам XVIII века оно приобрело форму *буряад* (в русском написании — *бурят*), ставшую их самоназванием. Несколько позже *бурятами* стали называть себя хоринцы. С этим фактом согласуется труд Г. Ф. Миллера «Описание Сибирского царства», в котором живущее у Байкала население впервые названо *бурят* [Описание ..., 1750, с. 3, § 5; с. 21, § 28; с. 26, § 34].

Имя *бурят* не могло появиться в Забайкалье раньше середины XVIII века, потому что до этого времени его попросту не существовало. С самого своего возникновения оно в условиях сложной политической конъюнктуры, вызванной претензиями маньчжурского двора на монгольские роды Забайкалья, не без помощи российского правительства закрепились в статусе официального наименования и, следовательно, общего самоназвания формировавшейся народности.

В 80-х годах XVIII века этноним *бурят* окончательно стал общим названием жителей Забайкалья [ИВР. MsG84, л. 5-8; ГАЗК, ф. 70, ед. хр. 2, д. 2, л. 50, 201—202]. Параллельно с ним западнее Байкала функционировало сохранившееся до наших

дней имя *бурэт*. Все это означало, что объединительные процессы в Байкальском регионе в целом завершились. Образовалась бурятская народность со сложившимся у всего населения единым этническим самосознанием. Его стержневым элементом было официальное наименование народности *бурят*, скрепившее все части нового этноса по обе стороны Байкала.

3. О двух баргутских этносах правобережья Аргуни

Старые баргуты (самоназвание — *барга*, численность — около 10 тыс. чел.) в Хулун-Буире живут в Старобаргутском хошуне (адм. центр — пос. Баян-Хүрээ). Их первоначальной родиной была Баргузинская котловина на восточном берегу Байкала, являвшаяся частью обширной местности Баргуджин-Токум по обе стороны сибирского моря. Отдаленными предками была тюрко-телеская общность байырку, более близкими — известное по источникам XIII века племя баргут.

Предки старых баргутов до прихода русских покинули район Байкала (первые русские казачьи отряды появились на Ангаре в 1629 году. — Б. 3.) и ушли на восток. Дойдя до Амура, они обосновались на р. Уды. Во время разразившейся войны Якса (Ягсаа дайн) они были уведены маньчжурами к Цицикару, откуда в 1732 году были переброшены к Аргуни для охраны границы между Китаем и Россией [ПМА].

История баргутов с самого их прихода на северо-восток Китая оказалась тесно переплетена с историей маньчжуров. Поэтому устные рассказы информантов перекликаются с данными письменных источников. Последние гласят, что в 1630-х годах маньчжуры совершили первые завоевательные походы на Средний Амур. Их цель заключалась в захвате аборигенного населения и его угоне к Мукдену (до 1644 года столица Маньчжурского государства. — Б. 3.) или Нингуте (крайний форпост маньчжуров на северо-востоке. — Б. 3.) для пополнения знаменных войск [Мелихов, 1974, с. 73]. Весной 1640 года маньчжуры после упорных сражений взяли городок Якса, который был центром солонской земли на Амуре. Пленные солдаты были уведены на территории южнее р. Нонни, где были зачислены в знамена [История Северо-Восточного Китая ..., 1987, с. 57, 58, 188].

В сообщениях информантов и архивных источников обращают на себя внимание два названия: *Ягсаа дайн* и *Уды*, имеющие прямое отношение к Среднему Амuru. Более чем очевидно, что *Ягсаа дайн* является названием прочно врезавшейся в историческую память баргутов войны за городок Якса, а Уды — та самая река, на которой они жили до своего угона от Амура на юг. Она берет начало недалеко от Яксы и впадает в Охотское море. Верхнее течение Уды до 70-х годов XVII века рассматривалось маньчжурами как зона их непосредственного влияния [РКО, 1969, с. 281, 282].

Выявленный материал, связанный с астионимом *Якса*, гидронимом *Уды*, названием битвы *Ягсаа дайн*, убедительно доказывает факт проживания баргутов после ухода из Баргуджин-Токума на Среднем Амуре. Весьма ценя устные сообщения информантов, восполняющих многие отсутствующие страницы постбаргуджин-токумовской истории баргутов, хотелось бы тем не менее внести одно уточнение. Суть его в том, что в 1640 году пленные баргуты со Среднего Амура могли быть угнанными не к Цицикару,

как говорят информанты (в 1640 году Цицикара не существовало, городок был основан лишь в 1691. — Б. 3.), а в более южные, находившиеся под твердым контролем маньчжуров территории. Через эти земли в 1644 году прошла граница Цинской империи, названная Ивовым Палисадом. Там баргуты, надо полагать, после принятия цинского подданства были зачислены в знамя, а затем за проявленные заслуги в деле укрепления Маньчжурского государства удостоены наименования *старые баргуты*. В таком случае получение его, как теперь становится понятным, произошло не в Хулун-Буире и не в 1732 году, как принято думать [Buyandelger, 2002, t. 2; Очир и др., 2003, t. 359], а между 1640 и 1670 годами. На 1670 год приходится, отметим, забегая немного вперед, первое упоминание в источниках названия другой баргутской группы Хулун-Буира — *новые баргуты*. Поэтому название *старые баргуты* как более высокое по своему статусу не могло возникнуть позднее наименования *новые баргуты*, то есть после 1670 года.

В процессе полевой работы в Хулун-Буире выяснилось, что местное население старых баргутов иногда называет *чипчин* или *чипчин-барга* (в старобаргутском произношении — *шибшин барга*). Сами старобаргуты говорят, что их самоназвание — *барга*, а кто, когда и почему назвал их *шибшин барга* — неизвестно. Надо заметить, что у старых баргутов есть крупный род шибшин. Не подлежит сомнению, что к возникновению названия *чипчин-барга* он имеет прямое отношение. Это подтверждают сообщения авторитетных знатоков старобаргутской старины. По их воспоминаниям, прежде в роде эрезгэн был шаман, которого за обладание высшими шаманскими дарами называли *шибшеэч*. Он мог, например, исцелить безнадежно больного человека и в то же время в особо экстремальных случаях умертвить здорового человека, наслав на него тяжелую болезнь. Потомки этого шамана были основателями рода шибшин. Поэтому роды эрезгэн и шибшин по отношению друг к другу считаются братьями — *ах дуу*. Информанты сообщают, что шибшинский род известен тем, что в нем всегда были незаурядные люди, благодаря деяниям которых он постоянно находился на видном месте в баргутском обществе и часто даже ассоциировался с ним. Все лучшие качества шибшинов, видимо, наиболее заметно проявились на Среднем Амуре. Это могло обусловить то, что старобаргуты на амурском этапе истории по названию рода шибшин стали именоваться *чипчин-баргутами* [ПМА].

Нам представляется, что данная информация вполне может быть принята в качестве гипотезы. Она достаточно добротнo объясняет происхождение слова *чипчин* как общего прозвания старобаргутской общности.

В начале XVIII века старобаргуты с Ивового Палисада были переселены к Цицикару, в 1699 году ставшему резиденцией хэйлунцзянского цзянцзюня. Превращение его в крупный военно-административный центр, видимо, потребовало концентрации вокруг него значительного количества войск. Вскоре Цинское правительство издало указ об усилении охраны северных рубежей империи путем возложения основной нагрузки на монголов [История Монгольской ..., 1983, с. 215]. В соответствии с этим постановлением в 1732 году два знамени старых баргутов из-под Цицикара были посланы к Аргуни, где они с шестью солонскими знаменами образовали одну военно-административную единицу. Ее обязанностью было несение караульной службы на китайско-русской границе. Разумеется, Цицикар, ставший для старобаргутов важ-

ным промежуточным пунктом на пути к их новой родине Хулун-Буиру, со временем заслонил собой все относившиеся к более раннему периоду события. Он отложился в их памяти как то место, куда они были приведены маньчжурами с Амура.

Новые баргуты (самоназвание — *шинэ барга*, численность — около 20 тыс. чел.) занимают Западную часть Хулун-Буира. Территории их расселения — Новобаргутский Восточный (адм. центр — пос. Амгалан) и Новобаргутский Западный (адм. центр — пос. Алтан Эмээл) хошуны. Они также помнят топоним *Баргуджин-Токум* — имя их прежней родины у Байкала. В прошлом новые баргуты были частью племенной группы хори, которая, придя с древней прародины Наян-Наваа, вначале жила на западной стороне Байкала, а после, к 40-м годам XVIII века, полностью переселилась в Забайкалье [Долгих, 1960, с. 330].

Имя *новые баргуты* имеет длительную и сложную историю. В XIII веке степные монголы все племена Баргуджин-Токума называли *баргут*. Рашид ад-дин этот феномен раскрыл так: «Их называют баргутами вследствие того, что их стойбища и жилища [находятся] на той стороне реки Селенги, на самом краю местностей и земель, которые населяли монголы и которые называют Баргуджин-Токум» [Рашид ад-дин, 1952, с. 121]. В процитированном тексте слово *баргут* использовано не как этноним (как самоназвание оно сопряжено с обитавшим в Забайкалье племенным этносом баргут. — Б. З.), а как *этническое прозвище* (курсив мой. — Б. З.) с несколько пренебрежительной окраской, данное аборигенному населению у Байкала по названию той территории, какую оно занимало — Баргуджин-Токум. Семантика его прозрачна — «жители Баргуджин-Токума» или «жители Барги». Баргуджин-Токум в понимании степных монголов был глухой, холодной по климату, малокультурной провинцией на окраине их державы, населенной лесными племенами [Там же, с. 92].

Монголы прозвище *баргут* прилагали и к отдельные этническим группам Баргуджин-Токума. Оно чаще всего использовалось по отношению к хоринцам, которые находились в даннической зависимости от Цэцэн-хана и были его подданными [Залкинд, 1958, с. 17]. Выставляя для монгольского хана вспомогательное войско и выполняя его задания, они подолгу находились в Восточной Халхе.

В XVII веке баргутами стали называть хоринцев маньчжуры. Это видно из документа Лифаньюаня от 1646 года, в котором упоминается сражение между вторгшимся в Халху маньчжурским войском и объединенным войском Тушету-хана и Цэцэн-хана. В составе войска последнего были хоринцы, названные в маньчжурском документе *баргутами* [Buyandelger, 2002, t. 30].

В 1655 году маньчжуры приступили к созданию знаменной системы в Халхе. Одно знамя было создано в Цэцэн-ханском аймаке. В него были зачислены хоринцы, которые через некоторое время удостоились от маньчжуров наименования *новые баргуты*. Конкретных данных о времени его получения хоринцами нет. Известно лишь то, что в 1670 году они уже назывались *новыми баргутами*. Это установила русская дипломатическая миссия, ездившая из Нерчинска в Пекин. Путь миссии пролегал через Маньчжурию. За Аргунью членами миссии была сделана такая запись: *А от Аргуни реки до Гана реки ехать Мугальского царя Чеченка (то есть Цэцэн-хана. — Б. З.) новыми людьми Баргуты два днища ... А меж теми*

Ганом и Кайларом реками кочуют те ж (новые. — Б. 3.) *Баргуты* [Путешествие ..., 1882, с. 157].

Точное установление временного диапазона, в границах которого появилось название *новые баргуты*, говорит об ошибочности бытующего мнения, что оно возникло в 1734 году в Хулун-Буире, а в его основу положен факт более позднего прибытия новобаргутской группы в данный район по сравнению со старобаргутской [Tubšinnima, 1985, t. 92; Очир и др., 2003, t. 361].

В 1734 году, что общепризнанно сейчас в науке (в начале XX века придерживались другой даты — 1735 год), новые баргуты для несения службы по охране китайско-русской границы были переселены в Хулун-Буир. В это время после закрытия в 1727 году государственной границы быстро набирал обороты процесс утраты хоринцами связей с прежней родиной и материнским этносом у Байкала. В конечном итоге резкое сокращение и нивелирование основных этнических признаков вылились в то, что у них произошла полная смена этнического самосознания и самоназвания. Это предопределило то, что прозвище *баргут* со словом *новые* приобрело у них этническую окраску и стало пониматься как этноним, а себя они стали осознавать самостоятельным этносом, называющимся не *хори*, а *новыми баргутами* — *шинэ барга*. Окончательная утрата хоринцами прежнего этнического облика относится ко второй половине XIX века [ПМА].

4. Происхождение прозвища *баргу-бурят* и его трактовка в историко-этнографической литературе о Северо-Восточном Китае

Около второй половины XVI века на западной стороне Байкала начала складываться бурятская народность, этот процесс в основном завершился к концу XVIII века. Жившие за Байкалом баргуты в данном процессе участия не приняли в связи с уходом из Баргуджин-Токума на Средний Амур, а оттуда, после долгого пути, — в Хулун-Буир. Так как баргуты в мезоэтногенезе бурят, то есть в образовании бурятской народности, не участвовали, то именовать себя *бурятами* они не могли. Поэтому единственным внешним выражением их этнического самосознания всегда было племенное имя *барга*.

Похожая картина выстраивается и по отношению к новым баргутам. Этот этнос первоначально был частью племенной общности хори, которая в России, пока не включилась в процессы образования бурятской народности, к бурятам себя не относил и к их имени приобщилась лишь в 70—80-х годах данного столетия. Часть их соплеменников, с первых десятилетий XVII века подолгу жившая в Восточной Халхе для выполнения даннических обязанностей, на российской стороне называлась племенным именем *хори*, в Монголии — данным монголами прозвищем *баргут*, которое к 70-м годам XVII века после зачисления в маньчжурское знамя приняло двусложную форму *новые баргуты* — *шинэ барга*. Тогда возникает вопрос: если две баргутские группы Хулун-Буира в состав бурят не вошли, а потому *бурятами* себя никогда не называли, то как возникло название *бурят-баргут* и кого оно в действительности обозначало?

Выше достаточно подробно был освещен вопрос, когда населением Баргуджин-Токума и отдельно хоринским племенем от степных монголов было получено прозви-

ше *баргут*. Здесь особо хотелось бы подчеркнуть, что традиция прозывать северных соседей данным словом имела у монголов характер долговременной тенденции и не утратила своего значения и много позже. В середине XVI—XVII веков, о чем также было сказано выше, на западной стороне Байкала беспрецедентные по глубине, силе и размаху консолидационные процессы привели к созданию племенного объединения, вначале называвшегося *бурат*, а потом *бурэт*, на базе которого в Забайкалье с возникновением там формы *бурят* в конце XVIII века образовалась бурятская народность. Оставаясь верными своему обычаю, степные монголы племенное объединение бурат также нарекли прозвищем *баргут*. Возник сложный термин *баргут-бурат*, который в слегка усеченной форме *баргу-бурат* иногда встречается в ойратских памятниках XVIII — начала XIX веков [Баатар, 2006, т. 34, 65]. Во всех других источниках, которых к настоящему времени выявлено большое количество, в качестве архетипа общеизвестного ныне имени *бурят* фигурирует одно слово *бурат*. Это говорит о том, что двойного этнонима *баргут-бурат* никогда не существовало. Следовательно, в ойратских источниках в термине *баргу-бурат* слово *баргу* (*баргут*) однозначно использовано как прозвище, а не как этническое наименование.

То, что в сложном термине *баргу-бурат* слово *баргу* употреблено в значении прозвища, сомнений ни у кого и никогда не вызывало. К примеру, именно так трактовал его крупный русский монголовед А. М. Позднеев. Касаясь слова *баргу*, он заметил, что буряты (так он написал слово *бураты*) подразделяются на две части: забайкальских и северных, то есть западных. Последние заметно отличаются от тех, которые живут за Байкалом, верованием, образом жизни, обычаями и особенно языком, отличающимся от наречий всех монголов «доходящей до крайних размеров грубостью». «Утверждают, — подчеркнул А. М. Позднеев, — что это наречие и было поводом, почему северобайкальские Буряты получили от своих соплеменников прозвание Баргу-Бурятов, т. е. грубых, неотесанных Бурятов» [Образцы ..., 1880, с. 180].

С высоты сегодняшнего дня не все замечания А. М. Позднеева об образе жизни, культуре и языке северных (западных) бурят можно принять, но его главный вывод, что в словосочетании *баргу-бурят* компонент *баргу* является прозвищем, безусловно, верен, потому что он соответствует содержанию приводившегося сообщения Рашид ад-дина, почему степные монголы население Баргуджин-Токума называют *баргут*. Мнение авторитетного ученого оказало сильное влияние на последующих исследователей. Так, ему явно симпатизировал хорошо знакомый с его трудами ротмистр Заамурского пограничного округа А. Баранов, который по заданию свыше, помимо военных дел, занимался изучением экономики, условий жизни и быта населения Восточной Монголии. Он полагал, что, опираясь на исследование А. М. Позднеева, можно восстановить начальный период баргутской истории в Восточной Халхе и Маньчжурии. Но, недопоняв то значение, которое вкладывал в прозвище *баргу-бурят* маститый предшественник, А. Баранов механически перенес его на две баргутские общности Китая, чем в корне исказил их историю.

Будучи насыщанным о приходе баргутов в Халху, а оттуда в Маньчжурию из Баргуджин-Токума, А. Баранов занял твердую позицию, что они являются простым ответвлением бурятского народа. Образование баргутских групп он отнес к пер-

вым десятилетиям XVII века, ко времени прихода русских к Байкалу. Он пишет, что с 1631 года участилось бегство бурят в Восточную Халху, вызванное действиями русских воевод по насильственному обращению их в православие. В Цэцэн-ханском аймаке этих бурят халхасы и жившие вдоль границы русские казаки называли *монгол-бурятами*. Но это прозвание со временем затмило другое — *баргу-бурят*. В связи с тем, что буряты имели большие отличия от монголов в языке и религии (халхасы — ламаиты, буряты — шаманисты), они получили от последних презрительное прозвище *баргут*. Не выдержав из-за него постоянных притеснений и унижений со стороны халхасов, одна часть бурят в 1665 году вернулась в Россию, другая — бежала в Маньчжурию. Вблизи Цицикара их зачислили в знамя и стали приучать к земледелию. Это бурятам не понравилось, и они взбунтовались. За это император Энхе-Амугулан (Канси. — Б. 3.) выселил их в Кулунбер, где они получили название *чипчин*. Эти же буряты за то, что пришли в Кулунбер первыми, дополнительно стали называться *старыми баргутами*. В 1735 году притеснения халхасов вызвали новую волну бегства бурят в Маньчжурию. Эти беженцы, поселившиеся в Кулунбере позже, получили прозвание *новые баргуты* [Материалы по Маньчжурии ..., 1907, с. 14, 16, 29, 126].

Работа А. Баранова показывает, что ее автор не имел ясного представления об истории баргутских групп Хулун-Буира. Не приведя никаких аргументов, он утверждает, что в Маньчжурии прозвище *баргут* трансформировалось в самоназвание. Носителями этнонима *баргут* стали буряты, переоформившиеся из прежнего этноса со сложным названием *баргу-бурят* в новую этническую общность *баргут*. Этот главный постулат А. Баранова привел к тому, что его сочинение, в котором баргуты путем простой подмены названий представлены как буряты, содействует искаженному истолкованию истории Северо-Восточного Китая. Прямое отражение эта вульгарная история нашла в работе Ф. Боржимского, в целом интересной, в которой старобаргуты названы *старыми бурятами*, новобаргуты — *новыми бурятами* [Боржимский, 1915, с. 2, 3, 19—22]. Не минули влияния со стороны сочинения А. Баранова отдельные современные исследования. Д. Д. Нимаев считает, что старые баргуты являются недавними бурятами-эхиритами середины XVII века. По его мнению, название *чипчин* является именем одного из вождей эхиритского племени Чепчугая (Шэбиүүхэй), который был заживо сожжен в своей юрте в ходе боя в 1641 году с появившимися на Верхней Лене русскими казаками. Разгром улуса Чепчугая вынудил большую группу его сородичей бежать к Большому Хингану, где они стали известны как старые баргуты. В память о предводителе эхиритского рода старобаргутский этнос стал называться *чипчин-баргут* [Нимаев, 2000, с. 164—165].

Отмечая ошибочность этого выдвинутого Д. Д. Нимаевым предположения, подчеркнем, что имя эхиритского князя в форме *Чепчугай* было записано русскими. По-бурятски это имя звучало иначе — *Шүбтэхэй*, а вовсе не *Шэбиүүхэй*, как полагал Д. Д. Нимаев. Поэтому имя Шүбтэхэй не могло принять форму *ишибшин*. Однозначно можно сказать, что два этих слова никакого отношения друг к другу не имеют. Кроме того, следовало учесть, что Чепчугай по своему происхождению был из рода шоно, который является одним из основных в этническом составе племенной общности эхирит. После гибели Шүбтэхэя, возможно, опасаясь репрессий, некоторые его потомки

перебрались в Баргузин и до сих пор живут там, указывая свою этническую принадлежность не иначе как *шүбтэхэй шоно*.

Дальше Баргузина потомки Шүбтэхэя не ушли. Но даже если допустить их бегство в Хулун-Буир, как полагает Д. Д. Нимаев, то там они, войдя в состав старых баргутов, называли бы себя либо *шүбтэхэй шоно*, либо *шүбтэхэй барга*, либо *шоно барга*, либо *эхирит барга*, однако таких подразделений в родовой номенклатуре старых баргутов нет. Поэтому говорить о бегстве верхоленцев в Хулун-Буир оснований не имеется. Да и вообще здесь автору стоило уяснить, что речь идет о двух совершенно разных по происхождению и этническим характеристикам племенных этносах: с одной стороны — эхирит, с другой — баргут. Не различать и смешивать их, ставя между ними знак тождества, неверно.

Изложенный материал, безусловно, свидетельствует о том, что встречающееся иногда в источниках название *баргу-бурат* было общим прозвищем сложившегося в XVI—XVII веке западнее Байкала племенного объединения бурат, на базе которого в XVIII веке образовалась бурятская народность. На северо-востоке Китая бураты, которых в литературе в контексте стадийного развития неточно называют *бурятами*, никогда не жили. Наблюдения показывают, что если прозвища через определенное время не становились самоназваниями обозначавшихся ими этносов, то они, как правило, постепенно выходили из употребления и исчезали. Такое же будущее ожидало прозвание *баргут* в паре со словом *бурат*. Выход из активной лексики монголов слова *баргут* как прозвища их северных соседей начался, надо полагать, в первой половине XVIII века, когда на всей территории по обе стороны Байкала на смену имени *бурат* пришли *бурэт* и несколько позже *бурят*. Окончательно оно выпало из монгольского языка как прозвище вместе с канувшим в Лету топонимом *Баргуджин-Токум*. Это произошло на рубеже XVIII—XIX веков, когда в основе нового названия региона — *Буряад* или *Буряад орон* (то есть *Бурятия*) — закрепилось наименование образовавшейся бурятской народности.

5. Заключение

В отдельных публикациях по истории Северной Маньжурии (Северо-Восточный Китай) встречается утверждение, что в XVII — первой трети XVIII века в районе Большого Хинганского хребта жили буряты. Они назывались *бурят-баргутами* (если точно — *баргу-буратами*, где *бурат* — первоначальная форма этнонима *бурят*) и оказывались вовлеченными в происходившие там события. Слово *баргут* с XIII века степными монголами использовалось в двух значениях: как этноним забайкальской племенной общности баргут; как прозвище, данное ими всему населению у Байкала по названию занимаемой территории — Баргуджин-Токум. В конце XVI — XVII веках на Ангаре и Лене сложилось племенное объединение, называвшееся *бурат*, на основе которого к концу XVIII века на берегах Байкала образовалась бурятская народность. Степные монголы по давней привычке нарекли буратов прозвищем *баргу-бурат*, которое в начале XX века в историко-краеведческой литературе о Северо-Восточном Китае в форме *баргу-бурят* было перенесено на баргутов правобережья Аргуни. Те подразделялись на две самостоятельные этнические общ-

ности: старых баргутов (самоназвание — *барга*) и новых баргутов (самоназвание: до XVIII века — *хори*, после — *шинэ барга*). Поскольку обе группы в образовании бурятского этноса не участвовали, то *бурятами* себя они никогда не называли. Создалось извращенное мнение, оказывающее определенное влияние на предшествующих и современных авторов, что буряты были жителями данного района. В основе этого ошибочного взгляда лежит, с одной стороны, незнание фактического материала о мезоэтногенезе бурят и происхождении их самоназвания, с другой стороны, истории формирования двух баргутских этносов Северной Маньчжурии.

Источники и принятые сокращения

1. ГАЗК — Государственный архив Забайкальского края. Ф. 70. Ед. хр. 2. Д. 2. Л. 50, 201—202.
2. *Георги, Иоганн Готлиб*. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. О народах татарского племени / Иоганн Готлиб, Георги. — Санкт-Петербург : Императорская Академия Наук, 1799. — Часть вторая. — 178 с.
3. ИВР — Институт восточных рукописей РАН. MsG84. Л. 5—8.
4. *Материалы по Маньчжурии и Монголии*. Словарь монгольских терминов. А.-Н. / Составитель Заамурского округа ротмистр Баранов. — Харбин : Русско-Китайская типография «Юань-дун-бао», 1907. — Выпуск одиннадцатый. — 138 с.
5. *Миллер Герард Фридерик*. Описание Сибирского царства и всех происшедших в нем дел, от начала а особливо от покорения его Российской державе по сии времена / Г. Ф. Миллер. — Санкт-Петербург : Императорская Академия Наук, 1750. — Книга 1. — 510 с.
6. МРС — Монгольско-русский словарь / составитель К. Ф. Голстунский. — Санкт-Петербург, 1894. — Т. 2. — 462 с.
7. *Образцы народной литературы монгольских племен*. Народные песни монголов / Собраны и изданы А. Позднеевым. — Санкт-Петербург : Типография Императорской Академии Наук, 1880. — Выпуск первый. — 346 с.
8. ПМА — Полевые материалы автора, собранные в Старобаргутском, Новобаргутском Восточном и Новобаргутском Западном хошунах городского округа Хулун-Буир Китайской Народной Республики, в городах Хайлар (КНР) и Улан-Батор (Монголия) в 1998—2002, 2007—2008, 2010, 2012—2013, 2015—2017.
9. *Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 г.* Дорожный дневник Спафария / с введением и примечаниями Ю. В. Арсеньева. — Санкт-Петербург : Тип. В. Киршбаума, 1882. — 214 с.
10. *Рашид ад-дин*. Сборник летописей. Перевод с персидского А. А. Хетагурова. Редакция и примечания А. А. Семенова. — Москва ; Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1952. — Том 1. Книга первая. — 221 с.
11. РГАДА — Российский государственный архив древних актов. Ф. 199. Ед.хр. 511. Ч. 1. Д. 6. Л.1—2 об., 15 об., 19—20 об. ; Ф. 199. Ед.хр. 511. Ч. 1. Д. 7. Л. 17 об., 21—24 ; Ф. 199. Ед.хр. 511. Ч. 1. Д. 8. Л. 10.
12. РКО — Русско-китайские отношения в XVII в. : материалы и документы / Составители Н. Ф. Демидова, В. С. Мясников. — Москва : Наука, 1969. — Т. 1. — 1608—1683. — 612 с.
13. *Баатар* увш туурвисан «Дөрвөн ойрадын түүх оршив» / Тайлбар бичсэн Б. Түвшинтөгс, Н. Сүхбаатар. — Улаанбаатар : «Соёмбо принтинг» хэвлэх үйлдвэр, 2006. —

165 т. (Сочинение Баатара-убаши «История четырех ойратов»)/Примечания Б. Түвшинтогса, Н. Сухбаатара. — Улан-Батор : Издательство «Соёмбо принтинг», 2006. — 165 с.)

14. *Fischer J. E.* Sibirische Geschichte von der Entdeckung Sibiriens bis auf die Eroberung dieses Landes durch die russische Waffen / J. E. Fischer. — Bd. 1—2. — St. Petersburg, 1768. — 536, 537—861 S.

15. *Ides E. Y.* Three years travels from Moscow over-land to China / E. Y. Ides. — Lonlon : Freeman [ets.], 1706. — 210 p.

16. *Georgi J. G.* Bemerkungen einer Reise im Russischen Reich / Johann Gottlieb, Georgi. — Bd. 1—2. — St. Petersburg, 1775. — Bd. 1. — 506 S. — Bd. 2. — 511 S.

17. *Gmelin J. G.* Reise durch Sibirien von dem Jahr 1733 bis 1743 / J. G. Gmelin. — Guttingen, 1751. — 467 S.

18. *Pallas P. S.* Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reichs. Dritter Theil. Bom Jahr 1772 und 1773 / P. S. Pallas. — St. Petersburg, 1776. — 454 S.

19. *Witsen N.* Noord en Oost Tartaryen : behelzende eene beschryvinghe van verscheide Tartersche en nabuurige gewesten, in de Noorder en Oostelykste deelen van Aziën en Europa / N. Witsen. — Amsterdam : by M. Schalekamp, 1785. — Deel 1—2.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Боржимский Ф.* Краткое историко-географическое и статистическое описание Хулунбуирской области / Ф. Боржимский // Известия Восточно-Сибирского отдела императорского Русского географического общества. — Иркутск : Типография Товарищества Печатного дела, 1915. — Т. XLIV. — 1915 год. — С. 1—38.

2. *Долгих Б. О.* Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. / Б. О. Долгих. — Москва : Издательство Академии наук СССР, 1960. — 621 с.

3. *Залкинд Е. М.* Присоединение Бурятии к России / Е. М. Залкинд. — Улан-Удэ : Бурятское книжное издательство, 1958. — 318 с.

4. *История Монгольской Народной Республики* / Издание 3-е, переработанное и дополненное. — Москва : Наука, 1983. — 661 с.

5. *История Северо-Восточного Китая. XVII—XX вв.* — Владивосток : Дальневосточное книжное издательство, 1987. — 421 с.

6. *Мелихов Г. В.* Маньчжуры на северо-востоке (XVII в.) / Г. В. Мелихов. — Москва : Наука, 1974. — 245 с.

7. *Нимаев Д. Д.* Буряты : этногенез и этническая история / Д. Д. Нимаев. — Улан-Удэ : Изд-во ВСГАКИ, 2000. — 190 с.

8. *Султанов Т. И.* Опыт анализа традиционных списков 92 «племен иланий» / Т. И. Султанов // Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура) : сборник научных статей. — Москва : Наука, 1977. — 223 с.

9. *Buyandelger Jiyačidai.* Qalq-a barγu-yin egüsül irel / Jiyačidai Buyandelger // *Arkivs ba mongγul teüke sudulul.* — Qoyadugar emkidgel. — Kökeqota : Öbür Mongγol-un soyol-un keblel-ün qoriy-a, 2002. — 1—38 t.

10. *Буяндэлгэр Джигачидай.* Халха-а баргу-ийн эгусул ирел / Джигачидай Буяндэлгэр // *Архивс ба монгол тэүке судулул.* — Хойядугар эмкидгел. — Коке-хота : Обур монгол-ун соёл-ун кэблэл-ун хорий-а, 2002. — С. 1—38. (Буяндэлгэр Джигачидай. Происхождение баргутов Халхи) // Архивы и исследование монгольской истории. Второе издание. — Хох-хот : Издательский центр Внутренней Монголии, 2002. — С. 1—38).

10. *Tubšinnima Galjud*. Baryučud-un teüken irelte / Galjud Tubšinnima. — Kökeqota : Öbür Mongγol-un soyol-un keblel-ün qoriy-a, 1985. — 152 t.

11. *Тубшинима Галзуд*. Баргачуд-ун тэукен ирелтэ / Галзуд Тубшинима. — Коке-хота : Обур монгол-ун соёл-ун кэблэл-ун хорий-а, 1985. — 152 т. (Тубшинима Галзуд. Исследование истории баргутов. — Хох-хот : Издательский центр Внутренней Монголии, 1985. — 152 с.).

12. *Очир А.* Халхын Засагт хан аймгийн түүх / А. Очир, Ж. Гэрэлбадрах. — Улаанбаатар : Соёмбо принтинг ХХК, 2003. — 462 т. (Очир А. История халхаского аймака Дзасакту-хана) / А. Очир, Ж. Гэрэлбадрах. — Улан-Батор : Соёмбо принтинг ХХК, 2003. — 462 с.

TO THE QUESTION OF THE BURYAT RESIDENCY IN NORTHERN MANCHURIA IN THE XVII — THE FIRST THIRD OF THE XVIII CENTURIES¹

© **Bulat R. Zoriktuev** (2019), orcid.org/0000-0001-5760-0064, Doctor of History, chief researcher, The Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russia), enhe_z@mail.ru.

The study contributes to the ongoing scientific discussion on the issue of the residence of Buryats in Northern Manchuria in the 17th — first third of the 18th centuries. The novelty of the study is that, based on the analysis of the names of the *Buryats*, *Bargu-Buryat* and some other ethnic terms, an updated history of the Mongol-speaking ethnic groups of northeast China at the indicated time is presented. It is established that the word *Buryat* (from Mong. *Buraa* 'forrest') is the archetype of the ethnonym *Buryat*. It was the name of a tribal association, located west of Lake Baikal in the middle of the XVI—XVII centuries, on the basis of which, with the coverage of Transbaikalia, by the end of the XVIII century a Buryat nation was formed. It has been proved that the *Buryat* community was given the byname *Bargu-Buryat* living south of the Mongolian steppes. It was especially emphasized that at the beginning of the 20th century in the local history literature on the population of the right bank of the Argun the byname *Bargu-Buryat* was transferred to the two ethnic communities of the old Barguts and new Barguts that lived in the region, who did not participate in meso-ethnogenesis, and therefore never called themselves *Buryats*. It was found that the researchers were misled by the word *Bargu(t)* in the names. There was a distorted opinion that has a definite effect on modern authors, that the *Buryats* during the period of the Manchu rulers from Nurhatsi to Yongzheng were residents of Northeast China.

Key words: ethnonym *Buryat*; byname *Bargu-Buryat*; ethnic communities; old *Barguts*; new *Barguts*; Northern Manchuria.

MATERIAL RESOURCES

Fischer, J. E. (1768). *Sibirische Geschichte von der Entdeckung Sibiriens bis auf die Eroberung dieses Landes durch die russische Waffen*, 1—2. St. Petersburg. 536, 537—861. (In Germ.).

GAZK — *Gosudarstvennyy arkhiv Zabaykalskogo kraya*. F. 70. Ed. khr. 2. D. 2. L. 50, 201—202. (In Russ.).

Georgi, Johann Gottlieb. (1775). *Bemerkungen einer Reise im Russischen Reich*, 1—2. St. Petersburg. 506, 511. (In Germ.).

¹ This work was carried out as part of a state assignment (project XII.191.1.2. Intercultural interaction, ethnic and socio-political processes in Central Asia, № AAAA-A17-117021310264-4).

- Georgi, Iogann Gotlib. (1799). *Opisaniye vsekh obitayushchikh v Rossiyskom gosudarstve narodov. O narodakh tatarskogo plemeni*, 2. Sankt-Peterburg: Imperatorskaya Akademiya Nauk. (In Russ.).
- Gmelin, Johann Georg. (1751). *Reise durch Sibirien von dem Jahr 1733 bis 1743*. Guttingen. (In Germ.).
- Ides, Evert Ysbrants. (1706). *Three years travels from Moscow over-land to China*. Lonlon: Freeman [ets.].
- IVR — Institut vostochnykh rukopisey RAN. MsG84. L. 5—8. (In Russ.).
- Miller, Gerard Friderik. (1750). *Opisaniye Sibirskogo tsarstva i vsekh proizshedshikh v nem del, ot nachala a osoblivo ot pokoreniya yego Rossiyskoy derzhave po sii vremena*, 1. Sankt-Peterburg: Imperatorskaya Akademiya Nauk. (In Russ.).
- MRS — Golstunskiy, K. F. (sost.). (1894). *Mongolsko-russkiy slovar'*, 2. Sankt-Peterburg.
- Pallas, P. S. (1776). *Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reichs. Dritter Theil. Bom Jahr 1772 und 1773*. St. Petersburg. (In Germ.).
- PMA — Polevyie materialy avtora, sobrannyye v Starobargutskom, Novobargutskom Vostochnom i Novobargutskom Zapadnom khoshunakh gorodskogo okruga Khulun-Buir Kitayskoy Narodnoy Respubliki, v gorodakh Khaylar (KNR) i Ulan-Bator (Mongoliya) v 1998—2002, 2007—2008, 2010, 2012—2013, 2015—2017. (In Russ.).
- Pozdnev, A. (1880). *Obraztsy narodnoy literatury mongolskikh plemen. Narodnyye pesni mongolov*, 1. Sankt-Peterburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii Nauk. (In Russ.).
- Puteshestviye cherez Sibir' ot Tobolska do Nerchinska i granits Kitaya russkogo poslanika Nikolaya Spafariya v 1675 g. Dorozhnyy dnevnik Spafariya s vvedeniyem i primechaniyami Yu. V. Arsenyeva*. (1882). Sankt-Peterburg: Tip. V. Kirshbauma. (In Russ.).
- RGADA — Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov. F. 199. Ed. khr. 511. Ch. 1. D. 6. L. 1—2 ob., 15 ob., 19—20 ob.; F. 199. Ed. khr. 511. Ch. 1. D. 7. L. 17 ob., 21—24; F. 199. Ed. khr. 511. Ch. 1. D. 8. L. 10. (In Russ.).
- RKO — Demidova, N. F., Myasnikov, V. S. (sosts.) (1969). *Russko-kitayskiye otnosheniya v XVII v.: materialy i dokumenty, 1 (1608—1683)*. Moskva: Nauka. (In Russ.).
- Semenov, A. A. (ed.) (1952). *Rashid ad-din. Sbornik letopisey, 1 (1)* (Perevod s persidskogo A. A. Khetagurova). Moskva; Leningrad: Izdatelstvo Akademii nauk SSSR. (In Russ.).
- Sochineniye Baatara-ubashi «Istoriya chetyrekh oyratov*. (2006). Ulan-Bator: Izdatelstvo «Soembo printing». (In Mong.).
- Sostavitel' Zamuurskogo okruga rotmistr Baranov (1907). *Materialy po Manchzhurii i Mongolii. Slovar' mongolskikh terminov. A.—N., II*. Kharbin: Russko-Kitayskaya tipografiya «Yuan'-dun-bao». (In Mong.).
- Witsen, Nicolaas. (1785). *Noord en Oost Tartaryen: behelzende eene beschryvinghe van verscheidene Tartersche en nabuurige gewesten, in de Noorder en Oostelykste deelen van Aziën en Europa*, 1—2. Amsterdam: by M. Schalekamp. (In Germ.).

REFERENCES

- Borzhimskiy, F. (1915). Kratkoye istoriko-geograficheskoye i statisticheskoye opisaniye Khulunbuirskoy oblasti. *Izvestiya Vostochno-Sibirskogo otdela imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva, XLIV*. Irkutsk: Tipografiya Tovarishchestva Pechatnogo dela. 1—38. (In Russ.).

- Buyandelger, Jiyačidai. (2002). Qalq-a baryu-yin egüsül irel. In: *Arkivs ba mongyul teüke sudulul. Qoyadugar emkidgel. Kökeqota* : Öbür Mongyol-un soyol-un keblel-ün qoriy-a. 1—38. (In Mong.).
- Buyandelger, Dzhigachiday. (2002). Proiskhozhdeniye bargutov Khalkhi. In: *Arkhiviy i issledovaniye mongolskoy istorii. Khokh-khot*: Izdatelskiy tsentr Vnutrenney Mongolii. 1—38. (In Mong.).
- Dolgikh, B. O. (1960). *Rodovoy i plemenny sostav narodov Sibiri v XVII v.* Moskva: Izdatelstvo Akademii nauk SSSR. (In Russ.).
- Istoriya Mongolskoy Narodnoy Respubliki.* (1983). Moskva: Nauka. (In Russ.).
- Istoriya Severo-Vostochnogo Kitaya. XVII—XX vv.* (1987). Vladivostok: Dalnevostochnoye knizhnoye izdatelstvo. (In Russ.).
- Melikhov, G. V. (1974). *Manchzhurya na severo-vostoke (XVII v.)*. Moskva: Nauka. (In Russ.).
- Nimayev, D. D. (2000). *Buryaty: etnogenez i etnicheskaya istoriya*. Ulan-Ude: Izd-vo VS-GAKI. (In Russ.).
- Ochir, A., Gerelbadrakh, Zh. (2003). *Istoriya khalkhaskogo aymaka Dzasaktu-khana*. Ulan-Bator: Soembo printing XXX. (In Mong.).
- Sultanov, T. I. (1977). Opyt analiza traditsionnykh spiskov 92 «plemen ilatiya». In: *Srednyaya Aziya v drevnosti i srednevekovye (istoriya i kultura): sbornik nauchnykh statey*. Moskva: Nauka. (In Russ.).
- Tubšinnima, Galjud. (1985). *Baryučud-un teüken irelte*. Kökeqota: Öbür Mongyol-un soyol-un keblel-ün qoriy-a. (In Mong.).
- Tubshinima, Galjud. (1985). *Tubshinima Galjud. Issledovaniye istorii bargutov. Khokh-khot*: Izdatelskiy tsentr Vnutrenney Mongolii. (In Mong.).
- Zalkind, E. M. (1958). *Prisoyedineniye Buryatii k Rossii*. Ulan-Ude: Buryatskoye knizhnoye izdatelstvo. (In Russ.).